

ПУБЛИКАЦИИ

В. В. КУЧМА

НОМОС СТРАТИΩΤΙΚΟΣ

(К вопросу о связи трех памятников византийского военного права)

Под наименованием *Nómos στρατιωτικός* (*Leges militares*, Военский закон) известно одно из приложений к Эклоге, которое содержит в себе нормы права, регулирующие наказание военнослужащих, совершивших уголовные преступления или дисциплинарные проступки.

Военский закон был издан впервые еще в XVI в. (S. Schardius, 1561 г.); в конце того же столетия последовало второе издание (Leunclavius, 1596 г.). Полный текст источника по афинской рукописи Эклоги был издан А. Монферратом в 1889 г.¹ К его изданию не раз обращался К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

Источник известен в многочисленных и сильно отличающихся друг от друга рукописях, что объясняется, по мнению К. Э. Цахариз фон Лингенталь², неофициальным характером этого сочинения.

Вопрос об авторстве и времени создания Военского закона чрезвычайно труден. К. Э. Цахариз фон Лингенталь полагал, что источник может быть датирован временем царствования императора Маврикия (582—602)³, а автором трактата называл Руфа, который мог быть либо секретарем, либо полководцем этого императора⁴. Руф именуется автором Военского закона в обобщающем сочинении К. Крумбахера⁵. Известное внимание рассматриваемому вопросу уделял и Р. Вари⁶; впрочем, его выводы на этот счет не отличаются определенностью, хотя в общем следуют концепции К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

В последующей историографии указанная точка зрения не получила распространения. Большинство исследователей склонялись к мысли о том, что удовлетворительное решение вопроса об авторстве и точной датировке трактата невозможно⁷, поэтому стало считаться достаточным ограничиваться приблизительной датировкой памятника, в целом более поздней.

В советской литературе единственная попытка датировки трактата была предпринята Е. Э. Липшиц. Она полагает, что Военский закон «вероятно, был издан вслед за Эклогой в том же VIII столетии»⁸.

Основанный на статьях Дигест и Кодекса Юстиниана, посвященных военному делу⁹, и испытавший на себе влияние последующего законодательства в данной области, Военский закон представляет собой компиляцию¹⁰, в которой нетрудно выделить по крайней мере три главные составные части.

Первая часть Военского закона состоит из статей, аналогичных нормам VI—VIII глав первой книги так называемого Стратегикона Маврикия¹¹, которые в свою очередь воспроизводятся в VIII главе Тактики Льва¹².

¹ *Ecloga Leonis et Constantini*. Ed. A. G. Monferratus. Athenis, 1889.

² К. Э. *Zachariae von Lingenthal*. *Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts*. — BZ, 3, 1894, S. 449.

³ *Ibid.*, S. 441.

⁴ *Ibid.*, S. 456.

⁵ К. *Krumbacher*. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. 2. Aufl. München, 1897, S. 635.

⁶ R. *Vári*. *Zur Überlieferung mittelgriechischer Tactiker*. — BZ, 15, 1906, S. 83 f.

⁷ См., например: W. *Achburner*. *The Byzantine Mutiny Act*. — JHS, 46, 1926.

⁸ Е. Э. *Липшиц*. *Очерки истории византийского общества и культуры*. — М.—Л., 1961, стр. 247; «Эклога. Византийский законодательный свод VIII века». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, стр. 21.

⁹ *Dig.*, 49, 16; *Cod.*, 12, 35 (36).

¹⁰ Компилятивный характер Военского закона был отмечен еще К. Э. Цахариз фон Лингенталем, но с особой силой это было подчеркнуто Р. Вари (*op. cit.*, S. 87).

¹¹ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*. Ed. I. Schefferus. Upsaliae, 1664, p. 34—40.

¹² *Leonis Imperatoris Tactica*. Ed. J. P. Migne. — PG, t. 107, 1863, col. 764—768.

Вторая и третья части содержат переработанные нормы Дигест и Кодекса, а также статьи из Эклоги, Прохирона и Василик.

Следует отметить, что лишь в первой части Воинский закон довольно близко следует нормам указанных военных сочинений. Статьи же второй и третьей частей иногда очень далеко отходят от норм Дигест и Кодекса, послуживших им источниками, и, как правило, содержат в себе лишь основную их мысль, смягченную или, наоборот, усиленную новыми обстоятельствами, существенно влияющими на общий смысл нормы, да к тому же закамуфлированную новой терминологией.

Перевод Воинского закона осуществлен нами по изданию его текста в указанной выше статье К. Э. Цахариэ фон Лингентала¹³. Как указывал сам издатель, текст трактата опубликован им по «превосходной» рукописи *Magianus 579*, содержащей его в качестве приложения к извлечениям из Прохирона¹⁴.

Текст источника имеет заглавие *Περὶ στρατηγικῶν ἐπιτιμῶν ἐκ τοῦ ῥόφου καὶ τῶν τακτικῶν* и разбит на 41 параграф различного объема. В данном издании первая часть, имеющая аналогии со статьями Стратегикона и Тактики Льва, составляет 15 первых параграфов. Анализом первой части мы и ограничиваемся в настоящей работе, хотя перевод трактата приводим полностью. Таблица параллельных мест источников, составленная К. Э. Цахариэ фон Лингенталем¹⁵, проверена нами по изданиям, указанным в примечаниях 11 и 12.

Анализ параллельных текстов рассматриваемых трактатов свидетельствует о несомненной связи между ними; иногда даже имеет место полное текстуальное совпадение.

Поскольку в настоящее время общепринятой датировкой Стратегикона является рубеж VI и VII столетий, а Тактики Льва — конец IX и начало X в., оказывается, что эти трактаты представляют два хронологических полюса, между которыми размещается Воинский закон. Такая очередность во времени создания рассматриваемых трактатов не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с выяснением зависимости между ними, с решением вопроса о том, был ли каждый из предыдущих трактатов непосредственным источником каждого из последующих.

Текстологический анализ источников отчетливо свидетельствует о том, что Воинский закон не является промежуточным звеном между Стратегиконем и Тактикой и автор последней черпает непосредственно из Стратегикона. Текст Тактики может буквально совпадать с текстом Воинского закона лишь в том случае, если последний полностью копирует Стратегикон. Но если Воинский закон имеет какие-либо отклонения от текста Стратегикона, то эти отклонения ни разу не воспроизводятся в Тактике. В таких случаях всегда оказывается, что текст Воинского закона отличается от обоих других трактатов. Разумеется, имеют место случаи, когда текст Тактики отличается от двух других трактатов одновременно, но ни в одном из этих случаев отклонение не опосредовано влиянием Воинского закона, а вызывается какими-либо другими причинами.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Автор Воинского закона зависел от текста Стратегикона, но нельзя определить с точностью, располагал ли он самим текстом этого трактата или же черпал из источника, общего для Стратегикона и Воинского закона.

2. Автор Тактики Льва не опирался на текст Воинского закона при составлении соответствующего раздела своего труда, его источником в этой работе служили аналогичные главы Стратегикона.

Конкретные случаи соотношения текстов трех указанных трактатов мы рассматриваем в комментарии, приложенном к переводу Воинского закона; в этом комментарии преобладает главным образом филологический аспект, а общие выводы имеют лишь предварительный характер. В данном случае мы следуем мысли, высказанной в свое время А. П. Рудаковым: «Более интенсивное использование всякого источника, перекрестные допросы его, чтение между строк, вообще говоря, возможны лишь тогда, когда уже произведено экстенсивное изучение предмета, когда сущность явления известна достаточно определенно, чтобы мы могли ставить свои перекрестные допросы и вести исследование окольным путем, не боясь увлечься погоней за созданием собственного воображения»¹⁶.

Ограничившись на первых порах лишь «экстенсивным» изучением части Воинского закона, мы считаем более углубленный анализ делом дальнейшего исследования.

¹³ К. Э. Zachariae von Lingenthal. Op. cit., S. 450—453.

¹⁴ Ibid., S. 449.

¹⁵ Ibid., S. 454.

¹⁶ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 43.

ВОИНСКИЙ ЗАКОН (ПЕРЕВОД)

1. Тот, кто осмелится организовать заговор, или (тайное) сообщество, или бунт против своего архонта под каким-либо предлогом, будет подвергнут отсечению головы, в особенности предводители заговора или бунта.

2. Если стратиот, не послушавшись своего пентарха, воспротивится ему, пусть он будет наказан. Также и пентарх, если не послушается своего декарха, равным образом и декарх — своего гекатонтарха. Если же кто-либо из тагмы осмелится воспротивиться старшему архонту — или комиту, или трибуну, или другому кому-либо подобному, — пусть он будет присужден к высшей мере наказания.

3. Если какой-нибудь стратиот, услышав распоряжение своего декарха, не исполнит его, пусть он будет наказан. Если же он, не зная распоряжения, совершит ошибку, пусть будет наказан декарх, так как он не научил его заранее.

4. Если по отношению к стратиоту было со стороны кого-либо совершено беззаконие, пусть он обратится к архонту тагмы. Если же беззаконие совершено со стороны архонта его тагмы, пусть он обратится к вышестоящему архонту.

5. Если стратиот осмелится бродяжничать сверх времени коммеата, он изгоняется с военной службы и как сельский житель передается (гражданской) администрации.

6. Если кто-либо во время войны осмелится освободить стратиота посредством коммеата, пусть (стратиот) уплатит пеню 30 номисм; если же во время зимовки — пусть стратиот получит коммеат за 2 или 3 мины; в мирное время стратиоту пусть предоставляется коммеат в пределах епархии.

7. Если кого-либо уличат в желании передаться врагам, того следует наказывать высшей мерой наказания, (причем) не только его самого, но и единомышленников, и умолчавших.

8. Если кто-либо нанесет ущерб стратиоту или соплательщику, пусть в двойном размере возместит пострадавшему его имущество; если же архонт или стратиот нанесет ущерб стратиоту или соплательщику во время зимовки, или похода, или в лагере и надлежащим образом его не компенсирует, пусть возместит пострадавшему его имущество в двойном размере.

9. Если кто-либо, кому была поручена охрана города или кастроны или же не поручена (специально), сдаст его или, не желая защищать, даже если есть (для этого) возможность, уйдет оттуда вопреки воле своего архонта, в особенности (если он стремится к этому) вопреки необходимости, — пусть он будет присужден к смерти через отсечение головы.

10. Если какой-нибудь стратиот, нашедший животное или что-либо другое, малое или большое, не сообщит своему архонту и не передаст (ему найденное), пусть он будет наказан как вор — и сам, и его сообщники, и умолчавшие.

11. Если стратиот во время битвы или сражения покинет свой строй или банду и убежит раньше с (того) места, в котором он был размещен, и будет снимать доспехи с мертвого врага, убитого другим, или опрометчиво устремится в преследование других врагов, — такого мы повелеваем наказывать смертной казнью как ослабляющего строй и тем самым причиняющего ущерб своим товарищам и все, что им взято, как и следует, изъять и передать казне тагмы. Если же учитывать снисхождение, то пусть он будет или побит ропалами, или лишен военной службы.

12. Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство и отступила из строя или из своей меры, выстроенной для сражения, рассчитать по десять и как ослабивших строй и явившихся виновниками обращения в бегство всей меры (каждого десятого) предать смерти стратиотам других тагм. Если же окажется, что некоторые из них, как случается, будут ранены в этой стычке, — таковым мы повелеваем быть свободными от этого обвинения.

13. Если знамя будет захвачено врагами без какого-либо разумного и видимого основания, мы повелеваем наказывать тех, кому была поручена его охрана, и оказавшихся поблизости архонтов, командующих ими или схолами, в которых они (знамена) были. Если же случится, что некоторые из них, сражаясь, были ранены, пусть они останутся свободными от такого наказания.

14. Если случится бегство меры или строя, когда имеется фоссат, и бегущие устремились не к дифензорам, и не искали убежища в этом фоссате, но, презревшие, ушли в другое место, мы повелеваем осмелившихся это сделать наказывать как презревших своих товарищей и явившихся виновниками смятения.

15. Если стратиот во время сражения бросит свое оружие, мы повелеваем наказывать его как обнажившего самого себя и вооружившего врагов.

16. Если экзархи или кто-нибудь другой под предлогом военного похода будут облагать контрибуцией земельные участки, пусть они будут наказаны двойной суммой.

17. Экзархи, (организаторы) беспорядков или подбивающие народ против службы родине либо подлежат отсечению головы, либо, будучи подвергнуты телесным наказаниям, изгнанию.

18. Если кто-либо одними только речами внес беспорядок в воинскую службу и многие согласятся с ним, пусть они, сильно высеченные, будут изгнаны с военной

службы. Если же (кто-либо) разжигает и побуждает к грубому нарушению дисциплины стратиотов, пусть он будет наказан отсечением головы.

19. Если стратиот воспротивится воле своего архонта, его следует высечь. Если он лишь задержал жезл (архонта), пусть будет изгнан с военной службы; если же преднамеренно сломал его (жезл) или поднял на него (архонта) руку, наказывается высшей мерой наказания.

20. Если стратиоты бросили своего экзарха или позволили врагам захватить его и, будучи способными его охранять, не защитили его и он погибнет, они наказываются смертной казнью через отсечение головы.

21. Выделенный для охраны дворца и утративший по своей вине бдительность и бодрствование подлежит высшей мере наказания или — заслуживающий снисхождения — изгнанию.

22. Ушедший к варварам как перебежчик или прибывший к ним под предлогом посольства и продающий обработанное или необработанное вооружение или какое-либо оружие пусть будет наказан высшей мерой наказания.

23. И тот, кто провоцирует врагов или передается врагам, пусть будет наказан таким же образом.

24. Если лазутчики ромейского войска донесут врагам о секретных замыслах ромеев, они будут наказаны отсечением головы; равным образом (наказываются) и нарушающие мир.

25. Если стратиот, занимавшийся во время сражения делом, запрещенным ему его архонтом, не исполнит данное ему поручение, пусть он получит высшую меру наказания, даже если он прекрасно исполнил бы дело. Или если, сговорившись с врагами, он, блуждая, отойдет от фоссата и первым из строя обратится в бегство на глазах у стратиотов и, пораженный врагом, или потеряет свое вооружение, или продаст, — пусть он будет присужден к отсечению головы; с учетом же снисхождения — высеченный, пусть он сменит военную службу.

26. Стратиот, преднамеренно ранивший камнем своего товарища по оружию или самого себя, высеченный, подлежит лишению военной службы, если раненный им не избежит страдания, или болезни, или смерти. Если же он, ранив мечом или самого себя, или другого, он присуждается к смертной казни как самоубийца или совершивший преступление.

27. Совершивший воровство стратиот пусть будет изгнан с военной службы после того, как он доставит в то же самое место двойное количество (по сравнению с украденным).

28. Стратиот, присужденный к отсечению головы, или изгнанию, или к какому-нибудь другому публичному наказанию и каким-либо образом избежавший его, не может никогда исполнять военную службу. Изгнанные с военной службы с позором по какой-нибудь причине не могут ни служить в войске, ни заниматься (чем-нибудь подобным), ни иметь когда-нибудь почести.

29. Стратиоты пусть не занимаются ни земледелием, ни торговлей, ни государственной деятельностью, если они изгнаны с военной службы и (лишены) преимуществ стратиотов.

30. Если кто-либо покинул вверенный ему укрепленный лагерь (харакому), он наказывается отсечением головы; если он пренебрег фоссатом — изгоняется с военной службы.

31. Провинившийся перед императором умерщвляется, и (его имущество) конфискуется.

32. Стратиот, задумавший бежать к варварам и задержанный, наказывается отсечением головы.

33. Бежавший к варварам и возвратившийся пусть будет подвергнут пыткам.

34. Если подлежащий высылке и сосланный стратиот, избежавший наказания, продолжает опять исполнять военную службу, пусть он будет предан смертной казни. Тот, кто изгнан на непродолжительное время, если он добровольно несет военную службу с тем, чтобы провести время изгнания, ссылается на остров на постоянное местожительство, если только причина его изгнания не заключается в том, что (изгнание) порождено пренебрежением к воинской службе, например в прелюбодеянии или в другом публичном обвинении.

35. Стратиот, который сослан на постоянное местожительство по публичному обвинению, например, в прелюбодеянии или других (проступках), порожденных пренебрежением к военной службе, и (за это) подлежащий ссылке, если он опять продолжает исполнять военную службу, (присущую) военнообязанным, пусть будет присужден к отсечению головы. Подвергнутый же изгнанию на непродолжительное время из-за незначительного проступка и добровольно исполняющий военную службу, с тем чтобы провести срок изгнания, ссылается на остров. Ибо такие не являются надежными, даже если они желают нести военную службу.

36. Избегающий нести военную службу в качестве стратиота пусть будет наказан сурово, ибо уклонение от военной обязанности есть преступление. Призванные на военную службу и избегающие ее обращаются в рабство как предатели свободы родины.

37. Если кто-либо отвлекает своего сына во время войны от военной службы или сдает его непригодным, так что он окажется неспособным к службе в армии, тот подлежит изгнанию и часть его имущества конфискуется.

38. Стратигот, назначенный караульным тюрьмы и покинувший (свой пост), карается отсечением головы.

39. Стратиготам, остушившимся и провинившимся из-за вина или (другого) крепкого напитка, или другого наслаждения, наказание через отсечение головы смягчается; к ним, подвергнутым телесным наказаниям, применяется перемещение их по военной службе.

40. Если стратиготы, охраняющие заключенных, по нерадивости их упустят, они подвергаются телесным наказаниям или лишаются военной службы — в зависимости от значения заключенного; если они освободят их из сострадания — лишь изгоняются со службы, если же из коварных целей — наказываются отсечением головы или понижаются на последнюю ступень воинской службы.

41. Стратигот, склонный к прелюбодеянию, лишается военной службы, и (его имущество) конфискуется.

* * *

КОММЕНТАРИЙ

1. Параграф аналогичен отрывкам VI, 5 Стратегикона (р. 35) и VIII, 5 Тактики Льва (col. 764 B). Совпадение текстов почти полное, за двумя мелкими отклонениями: в Стратегиконе в последней фразе отсутствует *... καὶ αἱτίοι*; в Тактике в первой фразе — *... ἢ στάσις*; встречаются и некоторые отклонения в глагольных формах.

Параграф привлек внимание Е. Э. Липшиц, которая в своей книге «Очерки истории византийского общества и культуры» отмечает, что он является «чрезвычайно интересным», ибо был «вызван к жизни острой классовой борьбой, игравшей столь важную роль в рассматриваемую эпоху» (стр. 247). В переводе Е. Э. Липшиц параграф выглядит следующим образом: «Те, кто осмеливаются устраивать политическое сообщество, объединение (*συνωμοσίαν*), или заговор (*φάρσιον*), или восстание (*στάσις*) против своего архонта под каким бы то ни было предлогом, подлежат отсечению головы, особенно вожаки (*πρώτοι*) и зачинщики (*αἱτίοι*) объединения (*τῆς συνωμοσίας*) или восстания».

Нам представляется спорным толкование Е. Э. Липшиц отдельных терминов этого параграфа, влияющее на общую его оценку. Стремясь привлечь данный параграф для иллюстрации положения о размахе классовой борьбы в VIII—IX вв., исследовательница особенно подчеркивает классовую направленность рассматриваемой нормы, причем толкует ее явно расширительно, выводя регулируемые в ней отношения за рамки армейской действительности.

По нашему мнению, параграф не занимает особого места среди других статей Воинского закона и лежит целиком в русле последующих норм, регулирующих внутреннюю жизнь армии. Кроме того, нам представляется спорной попытка Е. Э. Липшиц рассматривать его как документ определенного исторического периода, который явился «временем исключительно высокого подъема народных движений» (указ. соч., стр. 212). Уже один тот факт, что данная норма почти без изменения отражена в трех памятниках военного права, первый из которых (Стратегикон) датируется рубежом VI и VII столетий, а последний (Тактика Льва) создан на три столетия позже, свидетельствует, что мы имеем дело с ординарной нормой военного права, характерной для любого военно-дисциплинарного кодекса. Она регулирует отношения, возникающие в случае коллективного организованного неповиновения военнослужащих своему начальству. И выдвижение этого параграфа в Воинском законе на передний план объясняется не столько особым вниманием его автора к ситуации подобного рода, сколько задачами структурными и композиционными: сформулировав норму, регулирующую отношения между организованными заговорщиками и армейскими властями, автор переходит далее к случаям индивидуальных правонарушений.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым придать терминологии параграфа более обобщающий, даже несколько неопределенный характер, типичный для нормативных актов, оставляющих широкие возможности для свободного усмотрения в каждом конкретном случае.

2. Параграф аналогичен отрывкам VI, 2 Стратегикона (р. 34) и VIII, 2 Тактики Льва (col. 764 A). Кроме различий в глагольных формах и порядке слов статьи Воинского закона имеют следующие отличия от статей Стратегикона и Тактики:

а) в тех двух местах, где Воинский закон упоминает пентарха, Стратегикон и Тактика кроме него называют еще теттарха;

б) заключительная фраза Воинского закона *... τῇ ἐσχάτῃ ὑποκεισθῶ τιμωρίᾳ* в двух других трактатах звучит следующим образом: *... κεφαλικῇ τιμωρίᾳ ὑποκεισθῶ*;

в) в Тактике Льва отсутствует указание Стратегикона и Воинского закона об ответственности декарха перед гекатонтархом;

г) среди высшестоящих командиров Воинский закон и Стратегикон называют трибуна и комита; Тактика Льва говорит только об одном комите. Видимо, это связано с исчезновением латинизма «трибун» в армейской практике на рубеже IX—X вв.

Термин «таγμα», впервые встречающийся в данном параграфе, не имеет значения специального военного термина и обозначает подразделение вообще (см. комментарий к § 12).

3. Параграф аналогичен отрывкам VI, 8 Стратегикона (р. 35—36) и VIII, 8 Тактики Льва (col. 764 C); совпадение текстов буквальное.

Интересно употребление в параграфе латинизма τὸ μανδάτον (в Стратегиконе и Тактике — τὰ μανδάτα) в смысле «распоряжение», «приказание», «поручение» и т. д. Несмотря на то что византийская армия уже перешла на использование греческого языка (о времени перехода и различных аспектах проблемы см.: *G. Reichenkron. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern.* — *BZ*, 54, 1961 с указанием литературы), отдельные латинизмы укоренились в армейской практике. С одним из них мы и встречаемся в данном отрывке.

4. Параграф аналогичен отрывкам VI, 3 Стратегикона (р. 34—35) и VIII, 3 Тактики Льва (col. 764 A—B). Совпадение текстов почти буквальное, за единственным исключением. В Воинском законе в качестве пострадавшего назван непосредственно стратег; в Стратегиконе для обозначения пострадавшего использовано местоимение «τι». В Тактике начало параграфа изложено так: Εἰ μὲντοι ἀδικηθῆ παρα τινος. Вероятно, вместо εἰ μὲντοι следует читать εἰ μὲν τι, тем более что вторая фраза параграфа начинается с εἰ δὲ. Если остановиться на этом варианте, тогда тексты Стратегикона и Тактики совпадают буквально.

5. Параграф аналогичен отрывкам VI, 4 Стратегикона (р. 35) и VIII, 4 Тактики (col. 764 B). Между текстами Стратегикона и Воинского закона совпадение буквальное, за исключением знаков препинания, что, впрочем, существенно влияет на понимание смысла нормы. Приведем текст параграфа 5 целиком: Ἐὰν στρατιώτης τολμήσῃ βαγεῦσαι ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομμάτου τῆς στρατείας ἐκβληθήσεται καὶ ὡς παγανὸς τοῖς πολιτικοῖς ἐκδοθήσεται ἄρχουσιν. По смыслу статьи более логично передвинуть знак препинания вперед, поставив его после слова τοῦ κομμάτου. Тогда существительное τῆς στρατείας оказывается связанным с глаголом ἐκβληθήσεται, так же как это имеет место в тексте Стратегикона.

Следует обратить внимание на два термина, встречающиеся в параграфе.

Первый из них — глагол «βαγεῦσαι». В примечании 25 к изданию Тактики в «Патрологии» Миня читаем: «βαγεῦσαι. In codice videtur fuisse μαγεῦσαι . . . Apud Graecos posteriores βαγεῦσαι est vagari, errare. Suidas: βαγεῦσαι, πλανητεῦσαι». В латинском изложении отрывок VIII, 4 Тактики начинается следующим образом: Si quis audeat magicam exerceere . . ., что приводит к извращенному пониманию смысла данного параграфа. Издатель Стратегикона передает глагол βαγεῦσαι латинским circumvagari, что представляется более правильным.

Для полноты картины укажем, что глагол βαγεῦσαι встречается в Воинском законе еще один раз, а именно в параграфе 25, причем именно в смысле «блуждать», «бродить вокруг» и т. д.

Второй термин, привлекающий внимание, — τοῦ κομμάτου — латинизм, отсутствующий в классическом древнегреческом языке. Мы оставляем этот термин без перевода, понимая под ним отпуск войнов по домам. Следует отметить, что в Воинском законе и Стратегиконе встречается двойное написание этого термина — с одним и с двумя *μ*; в Тактике Льва написание термина унифицировано — всегда через одно *μ* (в латинском оригинале слово пишется с двумя *μ*). Интересно отметить, что авторы Воинского закона и Стратегикона оперируют этим термином совершенно свободно, не сопровождая его дополнительными пояснениями, тогда как автор Тактики счел необходимым сделать пояснение: ὑπὲρ τὸν χρόνον τοῦ κομμάτου, ἧχον τῆς ἀπολύσεως τῶν στρατιωτῶν εἰς τοὺς ἰδίους οἴκους. Очевидно, термин «коммеат», являвшийся обычным во времена действия двух первых трактатов, уже превратился в анахронизм к моменту создания Тактики и потому потребовал от ее автора специального разъяснения.

6. Параграф аналогичен отрывкам VII, 4 Стратегикона (р. 37) и VIII, 15 Тактики (col. 765 A). Совпадение текстов Воинского закона и Стратегикона почти буквальное, за исключением того, что в первом из них употребляется буквенное обозначение числительных, а во втором числительное передается словом. Текст Тактики имеет несколько отличий: снова, как и в отрывке VIII, 4, дается пояснение термина «коммеат», который трактуется как ἀπολύσεως τοῦ στρατοῦ; в конце фразы автор Тактики окончательно заменяет слово τὰ κομμάτα, встречающееся в двух первых трактатах, словом τῆς ἀπολύσεως. Все это подтверждает наш вывод об анахронизме термина «коммеат» в период создания Тактики.

По смыслу параграф 6 примыкает к предшествующему параграфу, и в Воинском законе они следуют один за другим, тогда как авторы Стратегикона и Тактики отделяют эти отрывки, перемежая их с другими параграфами.

Как видно из отрывка, предоставление стратиотам отпусков (в данных отрывках идет речь вовсе не о полном освобождении от военной службы, а лишь о предоставлении стратиотам краткосрочных отпусков во время их нахождения в армии) зависело от архонтов и было связано с денежной компенсацией. Естественно, что это создавало дополнительные возможности для обогащения архонтов и усиления материальной зависимости стратиотов от их военачальников.

7. Параграф аналогичен отрывкам VI, 7 Стратегикона (р. 35) и VIII, 7 Тактики Льва (col. 764 C). Смысловое совпадение всех трех отрывков полное, но статьи Стра-

тегикона и Тактики, совпадающие между собой буквально, имеют незначительные текстуальные отличия от Воинского закона в последней фразе.

Норма, содержащаяся в рассматриваемом параграфе, является обычной для военно-дисциплинарных кодексов всех времен и народов.

8. Параграф аналогичен отрывкам VII, 2 Стратегикона (р. 36—37) и VIII, 13—14 Тактики Льва (col. 765 A). Содержание отрывков совпадает между собой, но имеют место текстуальные различия, не влияющие на общий смысл нормы.

Привлекает внимание термин *συντελεστήν* (вин. пад.), встречающийся дважды, от толкования которого зависит правильное понимание всего параграфа.

Из отрывка следует, что под указанным термином понимается лицо, статус которого либо не отличается от статуса стратигота, либо приближается к нему. Поэтому мы переводим его словом «соплательщик», понимая под ним человека, единоличного имущества которого недостаточно для отправления воинской службы. В этом случае несколько соплательщиков, объединившись, экипировали за общий счет одного воина. Следовательно, каждого соплательщика законодательство могло рассматривать как потенциального стратигота. Отсюда вполне понятно то внимание, которое военное законодательство уделяет данной категории населения. С этой точки зрения нам кажется несправильным латинский перевод рассматриваемого слова термином «*municeps*», приводимый в изданиях Шеффера и Миня. По нашему мнению, в параграфе речь идет не о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, но о взаимоотношениях армии и той части населения, которая также подлежит военной службе, но в данное время не призвана.

Автор Воинского закона употребляет термины «стратигот» и «соплательщик» рядом, отнюдь не смешивая их, но и не разграничивая санкции за ущемление интересов той и другой категории.

Особым положением лиц, о которых идет речь в данном параграфе, объясняется и серьезность санкции. К сожалению, Воинский закон не содержит статей, в которых шла бы речь о взаимоотношениях между армией и гражданским населением империи, так как тематика данного памятника ограничена вопросами внутренней жизни армии. Иное дело — Тактика Льва, документ более широкий по тематике. В IX главе Тактики в целом ряде статей (1, 2, 15, 23-й и др.) автор дает рекомендации по вопросу о способе поведения войска в период его расквартирования в пределах империи. Весьма характерно, что автор трактата не формулирует никаких конкретных санкций за причинение ущерба «налогоплательщикам и земледельцам» (*τοὺς ὑποτελεῖς... καὶ γεωργούς*), уповая на благоразумие военачальников и филантропию подчиненных (Тактика Льва, IX, 13, col. 772 B).

Разница в подходе к этим категориям, с одной стороны, и к категориям, отраженным в статьях VIII, 13—14 (=Воинский закон, § 8) — с другой, отчетливо свидетельствует об особом статусе стратиготов и соплательщиков, связанном с их ролью «защитников отечества».

Лица со статусом соплательщиков составляли особую категорию военнообязанного населения, близкую к стратиготам и в принципе однородную с последними, но полностью с ними не совпадающую. Вопрос об этом, еще далеко не решенный, привлекал внимание многих исследователей, среди которых можно назвать П. Лемерля, И. Караяннопулоса, А. П. Каждана, Э. Гликаци-Арвейлер и др.

9. Параграф аналогичен отрывкам VI, 6 Стратегикона (р. 35) и VIII, 6 Тактики Льва (col. 764 B—C) (которые совпадают между собою буквально), но несколько расширен по сравнению с ними:

а) Воинский закон распространяет эту норму на *всех* защитников города или кастроны, независимо от их места и роли в обороне, тогда как два других источника говорят лишь об ответственности только тех лиц, которым *непосредственно* поручена оборона;

б) Воинский закон конкретизирует виновность по данной норме, рассматривая какотягчающее обстоятельство субъективное нежелание защищать город или кастрон при наличии условий для защиты и при отсутствии настоятельной необходимости отказа от защиты.

Изменена текстуально и концовка параграфа: Воинский закон называет в качестве санкции казнь через отсечение головы, тогда как два других трактата просто говорят о высшей мере наказания.

Мы оставляем без перевода термин «кастрон» (=лат. *castellum*), понимая под ним укрепленное место, крепость (см. об этом: *E. Kirsten. Die byzantinischen Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinistischen Kongress. München, 1958, t. III.*)

10. Параграф аналогичен отрывкам VI, 9 Стратегикона (р. 36) и VIII, 9 Тактики Льва (col. 764 C). Смысловое сходство между всеми тремя текстами почти полное, хотя имеются некоторые текстуальные отклонения. Наиболее значительное добавление содержится именно в Воинском законе: если Стратегикон и Тактика называют две категории лиц, подлежащих наказанию (сам виновный и его сообщник — *συνεῖδως*), то Воинский закон добавляет и третью — «умолчавшие» (*σιωπήσαντες*).

Статья направлена на борьбу с мародерством и характерна для многих других военно-дисциплинарных кодексов.

11. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 2 Стратегикона (р. 38) и VIII, 20 Тактики Льва (col. 765 B—C). Тексты двух последних источников, совпадающие между собой, имеют значительные отличия от текста Воинского закона:

а) Воинский закон содержит добавление, отсутствующее в двух других источниках: в первой фразе он запрещает «снимать доспехи с мертвого врага, *убитого другим*». Стратегикон и Тактика не делают такого уточнения, отчего их запрет приобретает более категоричный характер: воину вообще запрещено заниматься сбором трофейного вооружения до конца битвы. В ряде других мест автор Тактики Льва неоднократно возвращается к вопросу о порядке сбора и распределения военной добычи (XII, 52, 124; XIII, 14; XVII, 33, 48—50, 67 и др.). Анализ юридических и военных источников, где ведется речь о сборе и разделе военной добычи, произведен А. Дэнном в его работе «Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires». — «Actes du VI-ème Congrès International d'études byzantines», I. Paris, 1950, p. 347—352;

б) Воинский закон опускает часть текста, имеющегося в двух других трактатах: в них после фразы «опрометчиво устремится в преследование других врагов» стоит: «или ворвется в обоз или лагерь врагов» (ἢ τούτῳ ἢ φοσαάτῳ ἐχθρῶν ἐπέλθῃ. . .). В данном случае Воинский закон существенно сужает состав преступления, предусмотренного в соответствующих разделах Стратегикона и Тактики;

в) последняя фраза параграфа отсутствует в Стратегиконе и Тактике — в них предусмотрена только смертная казнь. Допустимость замены смертной казни телесными наказаниями («ропалы» — деревянные палки, утолщающиеся на одном конце) или изгнанием с военной службы объясняется не только декларируемой в параграфе филантропией, но и значительным сужением и смягчением состава преступления, сформулированного в Воинском законе, по сравнению с соответствующими нормами Стратегикона и Тактики Льва.

12. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 3—4 Стратегикона (р. 38—39) и VIII, 24—22 Тактики Льва (col. 765 C—D). Текстуальные отличия отрывков незначительны (так, вместо термина πόλεμος, употребляемого в Воинском законе, Стратегикон и Тактика пользуются словом συμβολή); смысловое совпадение текстов полное.

Мы оставляем без перевода термины «тагма» и «мера», обозначающие воинские подразделения различной величины. Численность этих подразделений можно установить на основе данных Тактики Льва (заметим, кстати, что они не отличаются от данных Стратегикона). Так, максимальную численность пехотной тагмы Лев устанавливает в 256 человек (IV, 62), а промежуточных звеньев между тагмой и мерой не называет. Конная тагма («банда») состоит в среднем из 300 кавалеристов, а крайние пределы — 200—400 человек (IV, 41, 48). Тагмы объединяются в «миры» (друнги, хилиархии), а последние — в меры (турмы). Максимальная численность миры определяется в 3 тыс. чел., а меры — в 6 тыс. (IV, 45).

Создается, однако, впечатление, что наименование подразделений в Воинском законе не имеет характер специфически военный. Так, термин «тагма» чаще всего употребляется в смысле подразделения вообще (§ 2, 4, 11). В параграфе 12 термины «тагма» и «мера» употребляются как соотносительные понятия, обозначая более мелкое (тагма) или более крупное (мера) подразделение.

13. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 5 Стратегикона (р. 39) и VIII, 23 Тактики Льва (col. 765 D). Несмотря на некоторые текстуальные отличия, смысловое совпадение текстов полное.

Термин «банда», встречающийся в отрывке, имел два смысла. В одном из них слово употреблено в § 11 (см. об этом комментарий к § 12), где оно совпадает по значению с термином «тагма». Другое значение слова «банда» — знамя, о котором в Тактике говорится неоднократно (IV, 65, 67; VI, 18—19; XII, 62, 83, 105, 109—112, 122; XIV, 74 и др.). Интересен отрывок XII, 63, рассказывающий об охране знамени в бою. Когда все знамена будут расположены в строю, из числа воинов, оказавшихся рядом, рекомендуется выделить по 15—20 человек для охраны знамени. Видимо, именно о таких воинах идет речь в рассматриваемом параграфе Воинского закона.

Вопросам византийской военной атрибутики посвящена специальная статья Р. Гроссе — «Die Fahnen in römisch-byzantinischen Armeen». — BZ, 24, 1923.

14. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 6 Стратегикона (р. 39—40) и VIII, 24 Тактики Льва (col. 768 A); текстуальные различия незначительны.

Термином «фоссат», который употребляется в Воинском законе неоднократно, обозначается разновидность военного лагеря. Кроме этого, в Воинском законе упоминаются еще две разновидности лагеря: τὰ σέδα (§ 8) и τὸ χάρακμα (§ 30). В Тактике Льва лагерь чаще всего именуется апликтом, причем в отрывке XI, 1 автор Тактики говорит о следующем соотношении между фоссатом и апликтом: κυρίως γὰρ φοσαάτων τὸ ἀπλικτὸν κελεῖται. Способам устройства лагерей автор Тактики посвящает специальную (11-ю) главу и неоднократно возвращается к этим вопросам в других местах сочинения.

О различных типах лагерей см. специальные статьи: R. Grosse. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4—10. Jahrhunderts. — BZ, 22, 1913; Ю. Кулаковский. Византийский лагерь конца X века. — ВВ, 10, вып. 1—2, 1903; Γ. Κολία. Περὶ ἀπλικτων. — ΕΕΒΣ, ἔτος ιζ', 1941.

«Дифензоры» — основная масса пехотных подразделений, стратиоты, которые в процессе сражения должны строго соблюдать строй и продвигаться вперед только в своих подразделениях (см. о них: Тактика Льва, IV, 24; XII, 27 и др.). Являясь

костяком боевого построения, подразделения дифензоров были своего рода подвижными опорными пунктами на поле боя и могли служить местом сосредоточения стратиготов из других подразделений, оказавшихся разбитыми в ходе сражения.

15. Параграф аналогичен отрывкам VIII, 7 Стратегикона (р. 40) и VIII, 25 Тактики Льва (col. 768 A). Совпадение текстов полное, за исключением незначительной инверсии.

16—41. Начиная с параграфа 16 текст Военского закона не имеет прямых аналогий с текстами Стратегикона и Тактики Льва. Источниками этих параграфов служат тексты Кодекса, Дигест и Новелл (см. таблицу на стр. 454 указанной статьи К. Э. Цахариэ фон Лингенталя). Тексты проверены нами по изданиям: *Corpus Juris Civilis, editio stereotypa tertia, vol. I—II. Berolini, 1882—1884; Corpus Juris Civilis, ed. fratres Kriegelii, 16. Aufl., Bd. III. Leipzig, s. a.*